

...Уже б ходили в школу наши внуки,
Мой милый, если б не было войны...

Игорь Шаферан

ГЛАВА 1

Отзвучали приказы командира по корабельной связи. Парадная форма, аккуратно сложенная, легла на свое место в рундуках. Команда заняла посты по походному расписанию. А для сводной роты морских пехотинцев наступил ожидаемый, но все равно приятный выходной. Целых пять часов до отбоя, а потом еще восемь до подъема. Можно почитать книгу в корабельной библиотеке или побренчать на гитаре в красном уголке. Можно даже, что вообще неслыханно, посидеть, да что там, поваляться на койке в кубрике.

И ничего, что февраль не самый спокойный месяц в акватории Черного моря. Ну, покачивает, так это даже к лучшему. Иначе находиться в кубриках было бы можно, а вот сидеть и лежать на койках уже нельзя. А так — на палубу выходить не запрещено, но и не рекомендуется. Одним словом — лафа! Для меня так вообще подарок небес. Завтра, когда БДК вернется на главную базу и отшвартуется у стенки, я сойду на берег, получу в штабе ОВРа документы и отправлюсь в Ленинград, где немедленно приступлю к учебе. Ведь я не просто сержант морской пехоты. Я — курсант выпускного курса Ленинградского высшего общевойскового командного училища им. С. М. Кирова.

Если подумать, этот последний год складывается для меня очень странно. Началось с практики. После первых двух курсов я ее проходил, как и все, на

Балтике. А вот после третьего неожиданно повезло, и я попал именно туда, куда рвался — на Черноморский флот. Почему-то оттуда затребовали человека с хорошей парашютной подготовкой, а я, по примеру Кита, этим делом увлекался. Кит — это Никита Дубинин, мой старший товарищ, можно даже сказать брат — мы ведь с ним детдомовцы. Он как раз летом закончил Киевское ВОКУ.

Мы собирались встретиться во время отпуска, но не срослось. А все почему... Направили меня на должность замкомвзвода в десантно-штурмовой батальон 810-й бригады морской пехоты. Срок практики — две недели. Десять дней все идет обычно — разводы, занятия и так далее. А потом ночью батальон поднимают по тревоге, порт, погрузка — и мы уходим в поход. Через трое суток, уже в Средиземном море, на меня наткнулся комиссар бригады. Шороху было — жуть. Всех офицеров, от взводного до комбата, вызвали «на ковер». Вопрос один — как проморгали?

Ладно, тревога, погрузка — не до того было. Но ведь до Босфора еще была возможность отправить меня назад. А теперь? Как выразился комиссар:

— Пацан, трах-тибидох... через якорь, сейчас должен в отпуск собираться. Мамку, б... табидох, радовать, с батеЙ водку пить. А он тут болтается, как не... рукав!

Ну, тут я влез. Руку к берету и докладываю, что я детдомовский и мне на учениях гораздо интереснее, чем в отпуске. Полковник замолчал, подумал и, уже остывая, поинтересовался:

— В училище хоть сообщили?

Комбат тут же доложил, что телеграмма готова, собирались подписать у начальства и отправить. На том и порешили. И я почти три месяца ходил в средиземке. Здорово было. Куда мы только не высажива-

лись, даже на Крит! В процессе совместных учений, разумеется. В училище прибыл в октябре, и уж там гоняли так, что головы не поднять. Выпускной курс как-никак. Но комиссар бригады, как оказалось, меня запомнил. В январе пришел запрос на мое участие в новом походе — на Констанцу. Героический, хотя и неудачный, десант, отмечается каждый год. Как ни странно, начальник училища дал добро. Так я здесь и оказался. В программу входило все: и высадка десанта, и парад, и показательные выступления морпехов. В смысле рукопашный бой. Всего-то неделя, но устали все как сто чертей.

Что-то я сегодня ударился в воспоминания. В библиотеку не пошел, спустился в кубрик, думал, может, хоть высплусь. Ага, щаз! Стоило лечь, в голову полезла вообще полная ерунда. Точнее, не ерунда, а совсем уж детские воспоминания. Например, почему друзья зовут меня не Сергей, а Юл. Между прочим, наша воспитательница постаралась, Мария Витальевна. В первом классе мы тогда учились. Вот через месяц она и назвала меня Юлом. И тут же пояснила: с одной стороны, я, как Юлий Цезарь — могу делать много дел одновременно. Но с другой — постоянно верчусь, как заведенный. Вот и буду теперь Юл. Наполовину Цезарь, наполовину юла. Так и приклеилось.

Потом, совсем уж не понятно почему, вспомнилась летняя поездка в Очаков. Вообще-то наш детдом лагерями не баловали. Все-таки мы были вроде как научно-исследовательское заведение. Хотя это и было жутко засекречено. Снилось нам всякое непонятное. Кому больше, кому меньше, но всем. А еще у нас всех были имя, отчество и фамилия, были дни рождения, но вот родителей не было. Вообще не было, нас находили в разных городах в течение не-

скольких лет. Прямо вот так — младенец, записка, можно сказать бирка, с данными, и все, больше никаких следов.

Пока мы были маленькие, то считали, что это так и должно быть. Потом, когда подросли, стали понимать, что у других есть какие-то «родители». И только в пятом классе мы их, родителей то есть, увидели. У одноклассников. Мне, кстати, и тут «повезло». Всех детдомовских одного возраста, а нас было одиннадцать, должны были записать в один класс. Но я, Сергей Яковлев, оказался в списке учеников двадцать шестым, а «...больше 25 не положено». Вот меня и определили в параллельный. В принципе я и не возражал, все равно в школу мы с ребятами шли вместе, из школы тоже.

Только через неделю Мария Витальевна обнаружила данный факт, когда проверяла дневники. У всех был 5А, а у меня 5Б. Был небольшой скандал, но дирекция школы настояла на своем. Особо светить нашу необычность не хотели, так все и осталось. Только вот близких друзей у меня так и нет. Одноклассники не сторонились, но и близко особо не подпускали, а наши — они скорее братья и сестры, а не друзья. Разве что Никита слегка выделялся, но это скорее сходство интересов — я тоже быстро понял, что мое место в армии.

Так вот! Особо нас в лагеря не возили, но после пятого класса как-то пробрили поездку в Очаков. Там, возле городского пионерлагеря, выделили место. Много ли надо, если весь детдом — 27 детей плюс воспитатели. Что я хорошо помню? Как мы собирали палатки. Большие, на десять человек каждая. И они были ОЧЕНЬ старые. Пришлось натягивать три-четыре палатки на один каркас, чтобы хоть больших дыр не было. Еще в памяти отложилось, что на на-

шей территории росли акации. Уж не знаю, что за вид, но у них были огромные и очень твердые шипы. Сантиметров по пятнадцать в длину, а то и больше.

Вот мы эти иглы отламывали у основания веток, забивали в трубки, оставшиеся от лишних каркасов, и играли в индейцев. Как глаза друг другу не повыкальывали — не знаю. Мария Витальевна собралась эти «копья» отобрать, но до отбоя не успела, а ночью на наши палатки устроили налет соседи. Ну, пацаны из пионерлагеря. Их было раза в четыре больше, но против наших копий они не устояли. Утром наше прошедшее «боевое крещение» оружие все равно отобрали. А с «соседями» началась тихая война на море. Их пацаны подныривали и сдергивали с нас плавки. На наших девчонках развязывали купальники. А еще кидались медузами. Они на очаковских пляжах были мелкие, но все равно противные.

За своих девочек мы им рожи били, если удавалось этих «нырлящиков» поймать. На медуз и сдергивание плавков отвечали по мере сил тем же, только девчонок не трогали принципиально. Через неделю примерно мы помирились. Даже позднее ходили к ним кино смотреть. Еще из тех каникул запомнилось, что нас возили на остров Березань и в Измаил. На острове Березань до революции расстреляли лейтенанта Шмидта. А на подходе к Измаилу я впервые увидел, как на берег вылетают странные катера с огромным пропеллером на корме, и из них выпрыгивают бойцы в черной форме. Большие корабли стоят на рейде. Они выпускают через распахнутые аппарели танки и бронетранспортеры с якорем на броне, и те плывут к земле.

Нет, это совсем никуда не годится. Из-за этих воспоминаний меня даже укачивать начинает, чего не было никогда. Надо подняться на палубу. Штор-

ма нет, так, волнение, балла три, наверное, ничего опасного. Подышу морским воздухом, он меня всегда успокаивает. Ветер и соленые брызги — это куда лучше любых «капель датского короля». Коридоры на БДК всегда ярко освещены, поэтому, когда я шагнул через комингс на палубу, то в первые секунды ничего не видел. А потом меня попросту вышвырнуло за борт.

Сознание я потерял всего на несколько мгновений, но действовал все равно на чистом автомате. В первую очередь отплыть немного в сторону, чтобы не затянуло под винты. Потом скинуть враз отяжелевшие бушлат, брюки и высокие ботинки. С этим я справился, тренировали нас хорошо. Теперь вынырнуть. Легкие уже немного жгло, когда я выскочил на поверхность. И почти сразу удар. Невдалеке взметнулся столб воды. Это что, обстрел? Снова взрыв, на этот раз ближе, и тонны воды на голову. И еще, и еще, хорошо, что теперь чуть подальше. Вот влип! Да кто вообще может нас обстреливать в Черном море?

Откуда-то слева от меня раздался тяжелый гул. И как будто пробилась пробка в ушах, столько звуков навалилось сразу. Сам звук хоть и со скрипом, но мозг опознал, как залп орудий главного калибра. А еще я начал различать пальбу береговых батарей, выстрелы корабельных орудий и вполне различимый треск автоматов, пулеметов и винтовок. Звуки в принципе были знакомые, но что-то в них мне здорово мешало. Кроме, разумеется, самого факта, что где-то милях в десяти от меня на берегу идет бой.

Справа, над чуть более темной полосой, начали появляться отсветы. Значит, там берег и на нем разгораются пожары. Соответственно слева находятся

корабли эскадры, понять бы какой. И вот интересно, кто мог напасть на Констанцу? И где, в таком случае, наши корабли? Ведут бой с неизвестными? По звуку непохоже. Ничего не понимаю. Главное, что обидно, я ведь уже минут пять, а то и все семь тут бултыхаюсь, а помощи нет. Вахтенные сигнальщики совсем от рук отбились? Человека выбросило за борт, и никто не заметил? А, кстати, где вообще мой БДК? Не мог же он за пару минут отойти настолько далеко, что я его не вижу и не слышу?

Эти вопросы натолкнули меня еще на одну загадку. И от нее мне стало как-то СОВСЕМ не по себе. Сейчас ведь должен быть февраль, так? Значит, температура воды должна быть близка к нулю. Да и воздух, если правильно помню — 10. А я не мерзну. Вот совсем не мерзну, хотя должен. Эта мысль привела к осознанию еще одной непонятности. Звук боя мне знаком. Точно, знаком! Но не по учениям, а... по кинохронике. По тем кадрам, которые я смотрел не далее как два дня назад. Десант на Констанцу, февраль 1943 года. Ничего себе! Тут что, кино снимают? Было бы очень здорово, если так. Только что-то внутри упорно отказывалось в это верить. Не могли мы не заметить приготовлений к таким съемкам. Да и не начали бы их, пока наша группа кораблей находится в данной акватории.

В темноте появились темные силуэты. Судя по звуку, приближаются корабли. И опять что-то не так, звук странный. Вроде бы я его знаю, но опознать не могу. Судов много, не попасть бы под винты. Кричать в этом шуме бесполезно, не услышат. Зато могут увидеть, бывают же люди с кошачьим зрением? Увидели! Рядом со мной в воду плюхается конец. Я вцепляюсь в него, и меня вытягивают на борт. Вокруг толпа народу, все обвешаны оружием, у многих

в ногах какие-то ящики. Видимо, боеприпасы. Мне на плечи накидывают бушлат, что-то спрашивают. Слышу только со второго раза:

— Браток, еще кто-нибудь есть в воде?

Качаю головой, потом соображаю, что меня не видят, хрипло отвечаю:

— Нет. Меня за борт выкинуло, ударило чем-то.

Тот же голос говорит:

— Ну и молодец, что не утоп. Значит, не растерялся. А шмотье и оружие найдем.

Договорить он не успевает. Вокруг начинают падать снаряды, и один из первых пробивает палубу в районе бака. Взрыв вышвыривает нас за борт и через несколько минут на месте катера, я так не успел понять какого, только головы плавающих людей. И их быстро становится все меньше, обмундирование и оружие тянут на дно, а тут еще продолжается обстрел, да и контужены практически все.

Когда появляется очередной темный силуэт, на этот раз со стороны берега, нас остается всего человек пять. Мой спаситель, узнаю по голосу, тоже жив и зычно командует:

— А ну, братва, поплыли! Нечего тут морские ванны принимать, нам на берегу дело найдется.

Мы почти у цели, когда прямо возле правого борта катера вздымается фонтан воды. Корму выбрасывает вверх, двигатели умолкают. Что совершенно неожиданно — нас замечают и сбрасывают несколько концов с борта. Выбираться, правда, приходится самим, на тральщике, именно так его опознал мой безымянный знакомый, дела плохи.

Выбравшись на палубу, мы стараемся убраться с пути работающей команды. Пробегающий мимо старшина отправляет нас на носовой мостик, чтоб не путались под ногами. И вот, сидя там, мы смотрим

и слушаем. Из звуков преобладает скрежет рвущегося металла. Часть палубы деформирована, по ней да и по бортам идут трещины. Их ширина кое-где до метра, и трещины спускаются ниже ватерлинии. На мостик один за другим поступают доклады:

— Затапливает кормовое машинное отделение и второй кубрик. Ведем борьбу за живучесть. Докладывает командир БЧ-5.

— Добро. — Это командир.

— Докладывает БЧ-5. Доступ воды в машинное отделение прекращен.

— Ремонт проводки выполнен, подача электричества восстановлена, — докладывает электрик.

— Добро, запустить помпы. — Это снова командир.

— Затоплено румпельное отделение и кормовой артпогреб. Крен 6 градусов на правый борт. Сильный дифферент на корму. Просело перо руля. Скручен правый промежуточный вал.

Доклады следуют один за другим. Тральщик все больше набирает воду. Командир отдает команды спокойно и четко:

— Откачать 30 тонн солянки из баков правого борга, выправить крен.

— Завести тросы через носовые и кормовые кнехты для стягивания корпуса.

— Сбросить за борт минно-траловое оборудование и глубинные бомбы для устранения дифферента на корму.

— Завести пластырь в район 77-го шпангоута.

Команда работает как один организм. Я не совсем моряк, но учебные фильмы видел, так что могу себе представить, что приходится вытворять со своими телами матросам. Вода бьет из трещин и мелких отверстий. Приходится выворачиваться под немыс-